

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06-31

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-55-62

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 05.02.2025
принятия: 03.03.2025

Н.Н. Кислова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kislova_nn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6227-5654>

«Если век стремится в бездну, лучше отстать от него» – библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час»

Аннотация: материалы статьи дополняют тему «христианства и русской литературы» на примере романа Б.А. Садовского «Шестой час». Б.А. Садовской (1881–1952) известен как автор исторических романов, посвященных исследованию причин падения монархического строя в России в XX веке. Историю России со времен Петра I до Николая II он рассматривает с точки зрения православной историософии. Автор статьи описывает роль и значение библейского текста в создании апокалиптической художественной картины мира в романе Б.А. Садовского «Шестой час». Библейский текст введен писателем в заголовочный комплекс, представлен цитатами из Нового Завета, присутствует на уровне ассоциативной символики в образах (именах) персонажей. Новизна исследования определена не только недостаточной изученностью литературного наследия писателя и отсутствием полноценных работ о его романном творчестве, но и попыткой представить роман «Шестой час» Б.А. Садовского как роман-предупреждение, что Россия должна вернуться к монархии и православию как единственным источникам ее цивилизационного существования.

Автор приходит к выводам, что библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час» определяет его стилевое единство и формирует представление об авторской историософской концепции, в которой предреволюционная и предвоенная Россия изображается как место битвы добра и зла, подчеркивается неотвратимость ее жертвенного пути как условия ее будущего возрождения.

Ключевые слова: библейский текст; заголовочный комплекс; «Шестой час»; православная историософия.

Цитирование: Кислова Н.Н. «Если век стремится в бездну, лучше отстать от него» – библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 55–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-55-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кислова Н.Н., 2025

Наталья Николаевна Кислова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.N. Kislova

Samara State University
of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
E-mail: kislova_nn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6227-5654>

"If the age aspires to the abyss, it is better to get behind it" – the biblical text in the novel by B.A. Sadovsky "The Sixth Hour"

Abstract: the article's materials complement the topic "Christianity and Russian literature" based on the example of B.A. Sadovsky's novel "The Sixth Hour". B.A. Sadovskaya (1881-1952) is known as the author of historical novels devoted to the study of the causes of the fall of the monarchical system in Russia in the twentieth century. He examines the history of Russia from the time of Peter I to Nicholas II from the point of view of Orthodox historiography. The author of the article describes the role and significance of the biblical text in creating an apocalyptic artistic picture of the world in B.A. Sadovsky's novel "The Sixth Hour". The

biblical text was introduced by the writer into the titles (the title complex), represented by quotations from the New Testament, and is present at the level of associative symbolism in the images (names) of the characters. The novelty of the research is determined not only by the insufficient study of the writer's literary heritage and the lack of full-fledged works on his novel work, but also by the attempt to present the novel "The Sixth Hour" by B.A.Sadovsky as a warning novel that Russia must return to monarchy and Orthodoxy as the only sources of its civilizational existence.

The author concludes that the biblical text in B.A.Sadovsky's novel "The Sixth Hour" defines its stylistic unity and forms an idea of the author's historiosophical concept, in which pre-revolutionary and pre-war Russia is depicted as a place of battle between good and evil, emphasizing the inevitability of its sacrificial path as a condition for its future revival.

Key words: biblical text; heading complex; "The Sixth Hour"; Orthodox historiosophy.

Citation: Kislova, N.N. (2025), "If the age aspires to the abyss, it is better to get behind it" – the biblical text in the novel by B.A. Sadovsky "The Sixth Hour", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 55–62, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-55-62>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kislova N.N., 2025

Natalya N. Kislova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Тема «Христианство и русская литература» плодотворно разрабатывается российскими учеными уже на протяжении более чем двух столетий, что подтверждается и библиографическим указателем 2002 года «Христианство и новая русская литература XIX–XX вв.», составленным А.П. Дмитриевым и Л.В. Дмитриевой (Христианство и новая русская литература XIX–XX вв. 2002), и современными публикациями.

Христианский характер русской литературы особо подчеркивали в своих трудах религиозные философы XX века И.А. Ильин (Ильин 1991), Н.А. Бердяев (Бердяев 1993), Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, В.В. Зеньковский (О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья 1990), К.В. Мочульский (Мочульский 2000). В советское время по идеологическим причинам изучение этой проблемы не представлялось возможным, зато с конца 80-х – начала 90-х годов XX века начался процесс разработки новой концепции русской литературы в ее тесной взаимосвязи с христианством.

Одним из первых, кто открыто коснулся этой темы, был академик А.М. Панченко. В статье «Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема» (Панченко 1991, с. 11–25) он указал, что, несмотря на попытки обособления культуры от веры в XVII в., новая русская культура и новая русская литература все-таки имеют связь с православным мировоззрением, и в этом их главное отличие от западной культуры и литературы.

В начале 1990-х годов к проблеме христианских традиций русской литературы обращается Ю.М. Лотман. Он публикует статью «Русская литература послепетровской эпохи и христианская

традиция» (Лотман 1993, с. 127–137), в которой обосновывает генетическую связь русской литературы с христианством. К основным христианским литературным традициям Ю.М. Лотман относит и традицию видеть в авторах литературных произведений духовных учителей, и предъявление особых требований к личности писателя.

Среди ученых, внесших значительный вклад в научную разработку темы, следует назвать В.А. Котельникова (Котельников 1994), И.А. Есаулова (Есаулов 1995, 2004), П.Е. Бухаркина (Бухаркин 1996), М.М. Дунаева (Дунаев 2001–2004), А.М. Любомудрова (Любомудров 2002). И.А. Есаулов в монографии «Категория соборности в русской литературе» (Есаулов 1995) обосновал, что для русского типа культуры и русского типа ментальности характерна ведущая категория русского православного христианства – категория соборности, а в работе «Пасхальность русской словесности» ученый ввел понятие «пасхального архетипа» как доминантное для русской литературы и доказал наличие этого архетипа в подтексте многих классических произведений (Есаулов 2004). М.М. Дунаев в монографии «Православие и русская литература» показал, что литература на Руси возникла как духовная, религиозная, а новая литература созидалась на традициях предшествующих веков, и поэтому главная особенность великой русской литературы в том, что она православная (Дунаев 2002).

Особый вклад в изучение проблемы «Христианства и русской литературы» внес А.М. Любомудров, автор ряда работ, посвященных методологическим проблемам православного литературоведения (статья «Церковность как критерий культуры»; монография «Духовный реализм в литературе русского зарубежья»). Ученый вводит категорию церковности с целью отличать дей-

ствительно православные произведения от произведений, несущих идеи гуманизма, и выделяет в русской классике особый тип реализма, отображающий реальность церкви в мире – духовный реализм (Любомудров 2002).

Знакомство с исследованиями по теме «Христианство и русская литература» позволяет присоединиться к выводам ученых о генетической связи русской литературы с христианством. Такие христианские традиции, как «внимание к духовным проблемам, нравственности, совести, поиск жизненной правды; учительство, дидактичность русской литературы, восприятие писателей как определенных духовников; пристальное внимание к личности писателей, к их нравственному облику; идея соборности» (Есаулов 2004, с. 560) во многом определяют содержательное и поэтическое богатство русской литературы.

Среди литературоведческих и междисциплинарных исследований на эту тему мы оттолкнулись от работы О.Ю. Золотухиной «Христианство и русская литература» – основные научные подходы к проблеме» (Золотухина 2008). Она выделяет три основных подхода к изучению христианского аспекта творчества автора: выявление христианских традиций в произведениях писателя; исследование отношений писателя с церковью как на уровне произведений, так и на уровне биографии; изучение христианских образов, мотивов, реминисценций и т.п. на текстовом уровне, определение их функций (Золотухина 2008).

Сочетание этих подходов и легло в основу интерпретации романа Б.А. Садовского «Шестой час».

Ход исследования

Борис Александрович Садовской как писатель, поэт, драматург, критик был хорошо известен в петербургских и московских литературных кругах рубежа XIX–XX вв. Революция 1917 года и окончательно настигшая его тяжелая болезнь полностью изменили жизнь писателя. Прикованный к инвалидной коляске, он постепенно сознательно изолировал себя от советского мира, не признав его и оставшись монархистом, а позже став еще и убежденным православным христианином. В.Ф. Ходасевич так отзывался о нём: «Садовской был правдив. А быть правдивым поэту труднее, чем об этом принято думать» (Ходасевич 1996, с. 73). И свое литературное творчество он сохранил в границах поэтики золотого и серебряного века русской литературы, не принимая и никак не участвуя в современном ему литературном процессе. Б.А. Садовской в 1917 г. «дал зарок не печатать ни строчки, пока не сгинут большевики» (Ходасевич 1996, с. 462). Таким образом талантливый представитель своей эпохи оказался в забвении для советских (русских) читателей и до 1990-х годов для

исследователей. С другой стороны, прижизненное забвение его среди современников убергло Б.А. Садовского от советской власти, которая «не размолочила его в своих репрессивных жерновах» (Куликов 2006, с. 38).

Открыт Б.А. Садовской был благодаря публикациям С.В. Шумихина. Сегодня анализу творчества писателя посвящены работы Ю.А. Изумрудова (Изумрудов 2012, 2014, 2021), С.Н. Пяткина (Пяткин 2013), Г.Л. Гуменной (Гуменная 2016), Н.Н. Старыгиной (Старыгина 2008), Т.В. Анчуговой (Анчугова 2010) и др.

Роман «Шестой час» написан Б.А. Садовским в 1921 году и посвящен поиску истоков, первопринципов, приведших, как это понимал сам писатель, русский народ к общественному и мировоззренческому хаосу, который воспринимался им как апокалипсис. Роман пронизан аллюзиями к Ветхому и Новому Заветам и Откровению Иоанна Богослова. Историк и публицист С. Сергеев высказывался о «Шестом часе» так: «... та точка зрения, с которой Борис Александрович посмотрел на первую Смуту 20 века в России, в литературе до того мне известной – отсутствовала. Что же это за точка зрения? Мне представляется: точка зрения русского человека, глядящего на страшную революционную реальность сквозь призму православной историософии» (Сергеев 1997, с. 10–11).

Роман «Шестой час» небольшой по объему, состоит из трех частей, в нем достаточно много персонажей, несколько сюжетных линий, место действия – вымышленный провинциальный городок Малококск, Москва, Урал (место гибели царской семьи), Петербург.

Библейский текст в романе представлен в названии и эпиграфе – цитате из Евангелия от Марка, цитатой из Евангелия от Луки, в именах персонажей, символах и деталях.

Библейский текст вводится в роман с первых строк – с заголовочного комплекса. Само название «Шестой час» и эпиграф («Бывшу же часу шестому, тьма бысть по всей земли до часа девятого. От Марка, XV») отсылают к сцене распятия Иисуса Христа. По сказанию Евангелистов Матфея (27:45), Марка (15:33) и Луки (23:44), в шестом же часу, или около шестого часа дня, настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого.

Заглавие и эпиграф как прямые цитаты Священного Писания формируют у читателя предположение авторского взгляда на исторический путь России: для Российской империи наступил период тьмы как следствие набирающих обороты беззакония, нечестия, беспечности, борьбы за власть ради самой власти и предательства. Важно в этом контексте соотнести слова Иисуса Христа об ощущении богооставленности на кресте («Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»)

(Мк 15:34)) с сюжетом романа, который описывает, как герои погибают, теряя связь с православной верой, своим родом и родиной-монархией, с одной стороны, и как они обретают смысл в жизни, если возвращаются к истокам и верят в присутствие Бога.

Эпиграф о тьме во время распятия Иисуса Христа и финал романа с образом Распятого на лазурном кресте («А с лазурного креста в небесах склоняется к ним в терновом венце Распятый» (Садовской)) образуют своеобразную кольцевую композицию. Свет разрывает тьму. За смертью Христа на кресте последует его Воскресение. Б.А. Садовской дает понять, что России необходимы крестные муки, она должна пережить период тьмы и потрясений, чтобы обрести свет новой веры. Роман посвящен именно самому страшному времени: переживанию искушений, грехопадению и проверке на готовность к искупительной жертве.

Заглавие и эпиграф рассчитаны на определенный тип читателя: религиозного и монархически настроенного. Связь монархия–религия очень важна для Б.А. Садовского. Она вступает в оппозицию с другой связью – революция–атеизм – и вокруг этих антонимичных пар строится идеологическая концепция произведения как противостояние двух миров: консерваторов/революционеров, добра/зла, старого/нового, воскрешения/смерти.

Борьба между монархистами и большевиками является воплощением столкновения противоположных типов мировосприятия: материалистического и религиозного. Такое же четкое разделение наблюдается и в структуре произведения: три части романа – этапы жизни персонажей в три периода исторического развития России: предреволюционные (1904, 1911) и послереволюционные годы (1918).

Каждая из частей романа описывает либо грехопадение, либо сопротивление греху. В контексте содержания первой части романа «Спрут», в которой события разворачиваются в атмосфере предреволюционных настроений 1905 года, символично «окутывание», словно щупальцами, персонажей, настроенных монархически (членов семьи губернатора Ахматова, начальника гарнизона генерала фон Клодта, губернского предводителя дворянской опеки Зарницына). Их мир, в котором было много света, легкости, музыки, честные дружеские отношения, хорошие книги, уютный дом, постепенно рушится. Губернатора Ахматова прельщают портфелем товарища министра и, когда он отказывается, убивают при выходе из собора после богослужения. Анну Петровну Зарницу соблазняют деньгами, что позже обернется духовным рабством для ее детей. Первая часть заканчивается описанием ощущений Георгия Ахматова: «жизнь его превратилась в сплошную серую

мглу», «судорога стиснула горло», «смотрел <...> мертвыми глазами» (Садовской).

Вторая часть «Удав» описывает жизнь героев до 1911 года, передавая упоение предвоенной «вседозволенностью». Здесь встречаются персонажи декадентствующие и развращенные (Анастасия Сандвич, Жорж Розенталь, Вадим Зарницын и др.), действуют персонажи, занимающиеся политической агитацией и политической провокацией (Соломон Исакер, Зеленецкий и др.), присутствует и описание мистических практик (введение в гипноз, похороны живого человека). «Удав» отсылает читателя к библейскому сюжету о соблазнении Евы змеем вкушать плод от дерева познания добра и зла, после чего произошло изменение человеческой природы, в ней стала проявляться греховность. Глава насыщена описаниями греховных страстей: блуд (просмотр Сандвич пикантных фотографий; готовность Лины Розенталь «на все», лишь бы Георгий Ахматов не выдвигал обвинений против ее брата), сребролюбие (дача взятки, играмания молодого фабриканта Кадыкова и Вадима Зарницына), чревоугодие (ротмистр Белинский признается: «с утра закушу, сперва колбаской, а потом Телом Христовым. И ничего»), тщеславие (стремление Кадыкова добиться признания и почестей у Розенталей, и его же донос в жандармерию на них) и т.д.

Единственный герой, сумевший противостоять искушениям, – Георгий Ахматов: «не пьет, не курит, в карты не играет», соблюдает «долг присяги», не берет взяток, отказывается от замужней Лины. В его кабинете «лампадка перед родовыми иконами, портреты царской семьи, родителей предков» (Садовской). Но и он все-таки не смог противостоять гипнозу Соломона и был погребен заживо.

Часть третья погружает в события 1918 года. Ее название «Дракон» – одно из имен сатаны в христианской культуре (Отк. 23). Именно в этой главе, одолеваемые греховными страстями, персонажи романа преступают христианские заповеди. Дракон-революция уничтожает практически всех персонажей романа или физически, или духовно. В третьей части происходит разоблачение одних и раскаяние других.

Библейский текст присутствует в тексте романа и в виде цитаты из Нового завета. В части первой «Спрут» указано, что Георгий Ахматов каждый вечер перед сном читал Евангелие. И далее приведен отрывок из главы 21 от Луки: «И так бодрствуйте на всякое время и молитесь да сподобитесь избежать всех будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (Лк 21:36). Это фрагмент из поучения Иисуса Христа в иерусалимском храме, когда он отвечает на вопрос, как определить, что придут последние времена. Характерно, что из всего поучения Б.А. Садовской

выбирает только последнюю фразу, предупреждающую о духовном бодрствовании, о том, что каждый человек должен быть внимательным к своему образу жизни, не быть беззаботным, беспечным, не предаваться безмерно удовольствиям, пребывать в молитвенном состоянии, чтобы спастись и оказаться в числе избранных, стоящих перед Богом, освобожденных от Его суда.

В подтверждении того, что прельщение возможно в любой момент и в любом образе, следует сцена объяснения Розы Исакер в любви Георгию Ахматову, звучит предложение бежать в Америку и предупреждение о смертельной опасности, если он не последует за ней. Роза безумна в своем влечении к Ахматову. Но он остается верен себе. Важен их диалог в конце сцены: «Ахматов, вы верите в Бога? – Конечно! – А я не верю. – Как же вы живете? – Я верю в чистый разум и в цианистый калий. Недаром я выросла в аптеке» (Садовской). Здесь противопоставление религиозного и материалистического сознания, веры и разума, вечной жизни и смерти, здесь же предсказание судьбы героев: Георгий Ахматов, став иеромонахом Глебом, в финале романа спасенный от расстрела Розой, отправляется странствовать по России, чтобы найти царя и с ним вернуться, а Роза принимает яд («белую пилюлю»). Автор романа утверждает, что без веры в Бога жизнь теряет смысл, она не может быть сконцентрирована только вокруг удовлетворения желаний, потребностей, страстей. Как писал блж. Феофилакт Болгарский к стиху 21 Евангелия от Луки, «ибо христианину должно не только избегать зол, но и стараться получить славу».

Важно, что впоследствии, когда иеромонаху Глебу удастся вернуть Лину к христианской православной вере, он «счастливый, как жених» (Садовской). Введение образа жениха имеет символическое значение. Жених – одно из образных имён Господа Иисуса Христа как Главы Церкви. Свт. Иннокентий Херсонский пишет: «Между многими знаменательными названиями, которые присваиваются Христу в слове Божиим, Он носит имя и нашего Жениха, потому что душа наша обручена Ему, как невеста жениху, на всегдашнее и совершенное соединение с Ним верой, любовью и блаженством». В Откровении Иоанна Богослова также дано описание Христа, восседающего на белом коне и готовящегося к брачному пиру: «(Откр. 19:7) пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца». Таким образом, Лина перед смертью возвращается в Русскую православную церковь, обручается с Женихом, обретает блаженство.

Б.А. Садовской намеренно подводит читателя к проведению параллели между Георгием Ахматовым (иеромонахом Глебом) и Иисусом Христом. Георгий откладывает мирские дела в угоду молитве (Мк. 1:44 «Но Он уходил в пустынные места и молился» – «... но Георгий захотел сперва отсто-

ять молебен»); как и Христос, Георгий был «искушаем диаволом» (Мк. 1:12): сначала ему предлагают деньги, затем пытается соблазнить Лина; во время допроса Соломоном Георгий ведёт себя кротко, спокойно, отвечает на вопросы без лукавства, как и поучал Христос: «(Лк. 12:11) не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой». Ахматов – единственный из всех персонажей, кто продолжает носить крест, что перекликается с «крестной ношей» Иисуса и эпитафией к части третьей романа («Христос уставший крест несет. Блок»).

В этом же ряду история со своеобразным воскрешением и «вторым пришествием» Георгия в качестве уже иеромонаха Глеба (имя Глеб – вариант древнескандинавского двухосновного имени *Guðleifr*, т.е. «бог» и «наследник»). Идеализация образа Ахматова демонстрируется и его внешним обликом гимназиста: «прямой под ранцем ... чернокудрый, в синем мундире (цвет неба, чистоты, Богородицы)», и его характеристикой офицера как «рыцаря без страха и упрека» (Садовской). Сама лексема «рыцарь» создаёт ассоциативную группу: воин, защитник, конь, оружие. В сочетании с именем персонажа у читателя подсознательно формируется связь Георгия с образом Георгия Победоносца. Затем этот образ укрепляется за счет сопоставления фактов из сказаний о мученике Георгии и жизненного пути Ахматова. Оба они из состоятельных семей, оба образованны и имеют отношение к военной службе, оба распоряжаются своим богатством в благих целях, оба страдают за веру, оба побеждают змия-дракона, оба обращают в христианство женщину.

Важно, что в романе есть еще один Георгий, но называемый на западный манер – Жорж. В самом начале Б.А. Садовской задает оппозицию Георгия Ахматова и Жоржа Розенталя по происхождению, по истории рода, по внешнему виду: «Георгий Ахматов и Жорж Розенталь сидели в гимназии семь лет на одной скамье. У Георгия отец губернатор, у Жоржа аптекарь. Предки Ахматова из Золотой Орды, у Розенталя из западного края. Розенталь, сгорбившись, нес ранец под мышкой и торопился домой <...> Ахматов, прямой под ранцем, медленно <...> подходил к белому губернаторскому дворцу» (Садовской). С другой стороны, оппозиция разрушается введением мотива ложного (неузнанного) героя. В темноте Лина как будто видит Ахматова, называет его Жоржем, и персонаж становится Розенталем. В другой сцене Ахматов говорит Лине: «Акилина Павловна, у вас другой Жорж, его вы и зовите этим именем» (Садовской), тем самым пытаясь разрушить подмену, в том числе обусловленную синонимичностью имен Георгий и Жорж. Лина достается Жоржу обманом, а к Ахматову уходит по доброй воле как духовнику

и Жениху. Жорж заканчивает медицинский факультет и изобретает пилюли для «Нео-Мальтус», или нет больше абортгов», тогда как Георгий спасает души для вечной жизни. Постепенно в образе Жоржа Розенталя нарастают демонические черты: читает богохульные лекции, участвует в расхищении могил, поощряет пороки Вадима Зарницына и Кадыкова, даёт деньги пьющему Зеленецкому (причём сначала фальшивые). Духовное изменение Жоржа происходит после того, как он ночь провел в беседах с иеромонахом Глебом в монастыре. Он отпускает Ахматова и Брагина, возвращается к Соломону, чтобы сообщить, что «ставка проиграна» и уходит из жизни во сне. Жоржа можно отнести к типу раскаявшегося разбойника, который был рядом с Христом во время распятия на кресте. Порочность его не захватила полностью, раз он слышит Слово Божие, и таким персонажам писатель дает право на спасение.

К типу раскаявшегося разбойника принадлежит и Брагин. Необразованный, оскверняющий могилы, царевый и, вероятно, соучастник убийства своего отца, он после ночи в церкви у благоухающих мощей основателя монастыря – старца Бориса (в миру Георгия) и видения его живым становится набожным учеником иеромонаха Глеба и призывает всех: «Каяться надо, грех замалывать» (Садовской). Б.А. Садовской намеренно демонстрирует отталкивающее поведение персонажа для того, чтобы ярче обозначить перемены, случившиеся после явления «благоухающего старца» («Третью неделю не пью. А теперича старцу Борису зарок дал ... Опять же у причастия не бываю»).

В этом контексте уместно будет провести параллель с сюжетом об одном из учеников Иисуса Христа, Фоме Неверующем, который отрицал воскресение Христа, пока не увидел его собственными глазами. Брагин, желавший продать обручальное кольцо царя, затем говорит, что «отдаст его наследнику». Примечательно, что круглая форма кольца традиционно считается символом бесконечности, т.е. Брагин хочет передать этот знак для вечного продолжения монархической власти.

Цитата из Евангелия от Луки таким образом дает надежду на спасение заблудшим, преданным, плененным грехом, если они найдут в себе силы молиться и перейти в состояние бодрствования.

Система персонажей романа благодаря библейскому контексту укладывается в троичную структуру: персонажи – представители монархических взглядов, религиозных убеждений, верящие в Царствие небесное (Георгий Ахматов, Николай Аркадьевич Ахматов, семья фон Клодт, Анна Петровна Зарницына, кучер Василий Брагин, старец Серафим и монахи Борисоглебского монастыря) – персонажи, привязанные к земной жизни, совершающие грех, но верящие в силу искупления (Лина Розенталь (Зарницына), Роза

Исакер, Брагин (сын кучера)) – персонажи, всеми своими поступками готовящие себя к аду (геенне огненной) (Соломон Исакер, Жорж Розенталь, Вадим Зарницын, Анастасия Сандвич и др.).

Роман «Шестой час» от эпитафии («Бывшу же часу шестому, тьма бысть по всей земли до часа девятого. От Марка, XV») до последней фразы («под свинцовой гладью Мойки») погружает читателя с нарастающей в геометрической прогрессии скоростью в густую и мрачную атмосферу общественного и личного хаоса, похожего на приближение апокалипсиса, последних времен. Кульминацией этой фантазмагорической картины становится видение в небе, открывшееся Вадиму Зарницыну перед смертью: царская семья, изуродованная, но счастливая, и на лазурном кресте в терновом венце Распятый Иисус Христос.

Полученные результаты и выводы

Библейский текст заголовочного комплекса, прямая цитата из Нового завета и система персонажей определяют в романе мотивы искупительной жертвы, крестной ноши, грехопадения, сквозные образы Христа и креста.

Образ России рассматривается сквозь призму библейской истории распятия Христа, тьмы, которая окутала землю, страшного ощущения богооставленности и одновременно невероятной веры в необходимость и целесообразность жертвы. Россия изображается как своеобразное лобное место, Армагеддон, где идет битва добра и зла.

Источники фактического материала

Садовской Б.А. Шестой час. URL: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1921_shestoy_chas.shtml (дата обращения: 03.12.2024).

Библиографический список

Анчугова Т.В. Из серебряного века – в «обитель смерти» // Морозные узоры: стихотворения и письма / Б.А. Садовской. Москва, 2010. С. 474–501.

Бондарева М.Ю. Поэтика заголовочного комплекса в романе «Шестой час» Б.А. Садовского // Результаты научных исследований в современных условиях: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса / под ред. Р.Д. Иванова. Санкт-Петербург: ЕНМЦ «Мультидисциплинарные исследования», 2020. С. 29–33.

Бердяев Н.А. О русских классиках / вступ. ст. К.Г. Исупов; сост. и авт. коммент. А.С. Гришин. Москва: Высш. шк., 1993. 366 с.

Бухаркин П.Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: Проблемы культур. Диалога. С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 168 с.

Гуменная Г.Л. Пушкинское присутствие в сборнике Б.А. Садовского «Позднее утро» // Парадигма: философско-культурологический альманах, 2016. С. 71–82.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.]. Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. Москва: Христиан. лит., 2001–2004.

Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр = The gospel text in Russian literature of 18-20 centuries : quotation, reminiscence, motif, plot, genre, Петрозаводск, 1994. Вып. 8, 2013. 458 с.

Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с.

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности: [монография]; М-во образования Рос. Федерации, Гос. акад. славян. культуры, Центр литературовед. исслед. Москва: Кругъ, 2004 (ППП Тип. Наука). 559 с.

Жених // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/zhenih> (дата обращения: 2.12.2024).

Золотухина О.Ю. Христианство и русская литература» – основные научные подходы к проблеме. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-i-russkaya-literatura-osnovnye-nauchnye-podhody-k-probleme> (дата обращения: 03.12.2024).

Изумрудов Ю.А. Апокалипсис Б. Садовского // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 393–397.

Изумрудов Ю.А. О литературной мистификации Б. Садовского «Солдатская сказка» // Русская литературы XX–XXI вв. как единый процесс (Проблемы теории и методологии изучения). Москва: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2014. С. 113–116.

Изумрудов Ю.А. «Полеты в запредельное»: неизвестная повесть Бориса Садовского «Черный перстень» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (12). С. 137–160.

Ильин И.А. О тьме и просветлении: Кн. художеств. критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Мюнхен, 1959. 196 с.

Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. Москва: Прогресс-плеяда, 2002. 382 с.

Котельников В.А. Православие в творчестве русских писателей XIX века // Христианское чтение. 1994. № 9. С. 7–42.

Куликов Ю. Чтоб плод сотворить...: [О писателе «серебряного века» Борисе Садовском (1881–1952)] // Культурно-просветительная работа. Встреча. 2006. № 5. С. 38–45.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллин, 1993. 494 с.

Любомудров А.М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. Сб. 4. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 87–109.

Мочульский К.В. Великие русские писатели XIX в. / предисл. Луиджи Магаротто. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 158 с.

О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья: Сборник / АН СССР, Науч. совет по пробл. рус. культуры; сост. М.А. Маслин; вступ. ст. М.А. Маслина, А.Л. Андреева. Москва: Наука, 1990. 528 с.

Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Новый журнал. 1991. № 1. С. 11–25.

Пяткин С.Н. Роман Б.А. Садовского «Пшеница и плевелы» как мифологическая биография Лермонтова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 2 (117). С. 18–29.

Сергеев С.М. К первой публикации романа // Волшебная гора. 1997. № 6. С. 10–11.

Старыгина Н.Н. Христианская символика в романе Б.А. Садовского «Шестой час» // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XI научно-богословской конференции (26-27 мая 2008 г.). Йошкар-Ола, 2008. С. 160–168.

Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому / предисл. и коммент. Н. Богомолова; примеч. к письмам и заключ. ст. И. Андреевой. Москва: СС, 1996. 461 с.

Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиогр. указ., 1800–2000 / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева; под ред. В.А. Котельникова. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 891 с.

References

Anchugova, T.V. (2010), From the Silver Age to the "abode of death", *Frosty patterns: poems and letters*, pp. 474–501, Moscow, Russia.

Bondareva, M.Y. (2020), The poetics of the title complex in the novel "The Sixth Hour" by B.A. Sadovsky, *The results of scientific research in modern conditions: collection of articles of the International Scientific Research Competition*, R.D. Ivanov ed., pp. 29–33, St. Petersburg, ENMC "Multidisciplinary Research".

Berdyayev, N.A. (1993), *On Russian classics*, Author. introductory article by K.G. Isupov, Comp. and author's comment by A.S. Grishin, Higher School, Moscow, Russia.

Bukharkin, P.E. (1996), *The Orthodox Church and Russian Literature in the XVIII-XIX centuries: Problems of cultural dialogue*, Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.

- Gumennaya, G.L. (2016), Pushkin's presence in B.A. Sadovsky's collection "Late Morning", *Paradigm: philosophical and cultural almanac*, pp. 71–82.
- Dunaev, M.M. (2001–2004), *Orthodoxy and Russian literature: in 6 hours*, Moscow spirits. Academic, Ed. 2nd, ispr., add. Christian lit., Moscow, Russia.
- The gospel text in Russian literature of 18-20 centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre* (1994), Issue 8, Petrozavodsk, Russia.
- Esaulov, I.A. (1995), *The category of conciliarity in Russian literature*, Petrozavodsk University Publishing House, Petrozavodsk, Russia.
- Esaulov, I.A. (2004), *Paschality of Russian literature: monograph*, Ministry of Education of the Russian Federation, State Academy the Slavs. culture, Literary Criticism Center. Research, Krug Publ., Moscow, Russia.
- Groom (2005), *The Orthodox encyclopedia "ABC of Faith"*, [Online], available at: <https://azbyka.ru/zhenih> (Accessed 2 Dec 2024).
- Zolotukhina, O.Y. (2008), *Christianity and Russian literature" – the main scientific approaches to the problem*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-i-russkaya-literatura-osnovnye-nauchnye-podhody-k-probleme> (Accessed 3 Dec 2024).
- Izumrudov, Yu.A. (2012), Apocalypse B.Sadovsky, *Philology. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, no. 4 (1), pp. 393–397.
- Izumrudov, Yu.A. (2014), On the literary hoax of B.Sadovsky's "Soldier's Tale", *Russian literature of the XX-XXI centuries. as a single process (Problems of theory and methodology of study)*, pp. 113–116, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Izumrudov, Yu.A. (2021), "Flights into the Beyond": Boris Sadovsky's unknown novel "The Black Ring", *Palimpsest. Literary journal*, no. 4 (12), pp. 137–160.
- Ilyin I.A. (1959), *On Darkness and enlightenment: A Book of Arts. Critics: Bunin, Remizov, Shmelev*, Munich, Germany.
- Kotelnikov, V.A. (2002), *Orthodox Ascetics and Russian Literature. On the way to Optina*, Progress-Pleiada, Moscow, Russia.
- Kotelnikov, V.A. (1994), Orthodoxy in the works of Russian writers of the 19th century, *Christian reading*, no. 9, pp. 7–42.
- Kulikov, Yu. (2006), To create fruit ...: About the writer of the "silver Age" Boris Sadovsky (1881-1952), *Cultural and educational work. Meeting*, no. 5, pp. 38–45.
- Lotman, Yu.M. (1993), *Selected articles: in 3 vol., Vol. 3, Articles on the history of Russian literature. Theory and semiotics of other arts. Mechanisms of culture. Small notes*, Tallinn.
- Lyubomudrov, A.M. (2002), Churchworthiness as a criterion of culture, *Christianity and Russian Literature*, Sat. 4, pp. 87–109, Nauka Publ., St. Petersburg, Russia.
- Mochulsky, K.V. (2001), *Great Russian writers of the 19th century*, Aleteya, St. Petersburg, Russia.
- Russian Philosophical culture: Philosophers of the Russian Post-October Abroad (1990), *Collection, USSR Academy of Sciences, Scientific Journal. council on probation of Russian culture*, pp. 5–42, Nauka, Moscow, USSR.
- Panchenko, A.M. (1991), The Russian Poet, or Worldly Sanctity as a religious and cultural problem, *New Journal*, no. 1, pp. 11–25.
- Pyatkin, S.N. (2013), Sadovsky's novel "Wheat and Tares" as a mythological biography of Lermontov, *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, no. 2 (117), pp. 18–29.
- Sergeev, S.M. (1997), Towards the first publication of the novel, *Magic Mountain*, no. 6, pp. 10–11.
- Starygina, N.N. (2008), Christian symbolism in B.A. Sadovsky's novel "The Sixth Hour", *Christian Enlightenment and Russian culture: Reports and communications of the XI Scientific and Theological Conference (May 26-27, 2008)*, Yoshkar-Ola, pp. 160–168.
- Khodasevich, V.F. (1996), *Necropolis: Memoirs; Literature and Power; Letters to B. A. Sadovsky*, SS, Moscow, Russia.
- Christianity and New Russian Literature of the XVIII–XX centuries: Bibliographic Decree, 1800-2000* (2002), Nauka, St. Petersburg, Russia.

Submitted: 12.12.2024

Revised: 05.02.2025

Accepted: 03.03.2025